

Д.И. Макаров

*доктор философских наук, доцент,
профессор и заведующий кафедрой общих гуманитарных дисциплин
Уральской государственной консерватории имени М.П. Мусоргского
dimitri.makarov@mail.ru*

О ХРИСТИАНСКИХ ПОДТЕКСТАХ В РАССКАЗЕ ПАОЛО ВОЛЬПОНИ «АННИБАЛЕ РАМА»

В статье поднимается проблема библейских и христианских подтекстов в рассказе итальянского писателя-постмодерниста Паоло Вольпони (1924-1994) «Аннибале Рама» (1965). Несмотря на то, что рассказ представляет собой технократическую антиутопию, выдержанную в духе постфордизма, в его идейной и образной структуре заложены аллюзии на библейские и евангельские мотивы. Так, помощник главного героя выступает как трансформация евангельского образа благоразумного разбойника. Важную роль в рассказе играет отсылка к платоническому представлению о мышлении и мысли как о свете (Resp. VI, 507d-509b), значимому для Плотина и Григория Нисского. Особой темой встают переключки между византийской патристикой (Анастасий Синаит) и своеобразием преломления темы контингентного и Промысла в художественном мире Вольпони. Если художественный мир рассказа – это мир «одного героя» (Л. Долежел), то этот герой – Аннибале Рама – оказывается медиатором между светским и духовным, дозволенным и недозволенным, ренессансно-окультным и библейско-христианским началами европейской культурной традиции, на что указывает уже само его имя.

Ключевые слова: Паоло Вольпони, Платон, Плотин, Григорий Нисский, Анастасий Синаит, антиутопия, мысль как свет, контингентное, Промысел, постфордизм, технократия, благочестивый разбойник, Библия как метатекст европейской культуры

The article raises the problem of Biblical and Christian subtexts in Italian post-modernist writer Paolo Volponi's short story *Annibale Rama* (1965). Despite the story being a technocratic anti-utopia in the post-Fordist spirit, certain allusions to the Biblical and Gospel motives can be detected in its ideological and imagery structure. Thus, for example, an assistant of the main hero is presented as a transformation of the Gospel image of the pious criminal. A reference to the Platonic notion of thinking and thought as light (Resp. VI, 507d-509b), which was so prominent in Plotinus and St. Gregory of Nyssa, features in the story. Special subject for consideration in the treatment of Volponi's artistic universe is formed by some consonances between the Byzantine patristic tradition (Anastasius of Sinai, early 8th century) and *Annibale Rama*, the theme of contingent and Providence being reflected in a remarkable way in the story. If the universe of the story is a "one-person" one (L. Doležel), then, the hero, i.e., Annibale Rama, turns out to be a mediator between the sacred and the profane, licit and illicit, Renaissance-like occult and Biblical and Christian foundations of the European cultural tradition, which is alluded to by his very name.

Keywords: Paolo Volponi, Plato, Plotinus, St. Gregory of Nyssa, St. Anastasius of Sinai, anti-utopia, thought as light, contingent, Providence, post-Fordism, technocracy, the pious criminal, Bible as the meta-text of the European culture

Literary fiction is probably the most active experimental laboratory of the world-constructing enterprise.

Lubomír Doležel [Doležel, 1998, ix]

Вышеприведенные слова Любомира Долежела имеют непосредственное отношение не только к рассказу Вольпони, но и к литературе постмодерна в целом. Тем не менее, ввиду краткости, архетипичности используемых сюжетных схем и мыслительно-идеологических конструкций именно «Аннибале Рама» был выбран нами для литературно-философского и богословского анализа в данной работе. Рассказ Вольпони подпадает под категорию «мира одного лица» («одного деятеля» – one-person world, по Л. Долежелу) [ibid., p. 37-54]. Соответственно, главный герой воплощает в себе

Д.И. Макаров *О христианских подтекстах в рассказе
Паоло Вольпони «Аннибале Рама»*

основные мировоззренческие оппозиции, в то же время выступая *медиатором* между ними. Собственно говоря, уже его имя – Аннибале Рама – дает намек на его функцию медиатора между людьми и машинами, а также между настоящим и контингентным (см. далее). В самом деле, Ганнибал, как известно, был одним из главных противников Рима в III – начале II вв. до н.э., фамилия Рама у итальянского читателя, естественно, ассоциируется с Roma, а кроме того, la rama в некоторых областях Италии означает «ветвь» (наряду со стандартным il ramo). В этом можно усмотреть намек на неоднозначность течения истории и судьбы главного героя, а также на продуктивность его творческой фантазии (ввиду ассоциации ветви с фруктом, побегом, корнем и т.п.). В дальнейшем именно об онтологической траектории героя – гениального изобретателя Аннибале Рама – и ее возможных продолжениях-ответвлениях нам и придется говорить.

Паоло Вольпони (1924, Урбино – 1994, Анкона) – автор, прочно вошедший в национальный литературный канон, один «из наиболее оригинальных и одаренных итальянских интеллектуалов послевоенного периода» [Mobili, 2008, p. 32]¹, «ничуть не отстающий от эволюции нарративных практик в постструктуралистскую эпоху» [ibid., p. 33]. При этом писатель практически не известен в США [ibid.], а в России о нем и вовсе ничего не слышали. Нет и доступных читателю русских переводов его интеллектуальной прозы. Тем актуальнее привлечь внимание отечественного читателя хотя бы к одному из блистательных произведений Вольпони.

Как известно, Вольпони с 1950 по 1972 г. работал в фирме «Оливетти», где в 1964 г. Пьер-Джорджо Перотто разработал Программу 101 (которая считается первым в мире персональным компьютером). Аллюзии на эти события и на раздумья творческой интеллигенции тех лет, работавшей в «Оливетти», мы и встречаем в романе «Всемирная машина» и в рассказе «Аннибале Рама» (1965) [Zinato, 2017, X-XI]. Герой рассказа – инженер и программист, изобретатель суперкалькулятора – относится к тому же типу литературных изобретателей и чудачков, что и Дон Кихот, Макс Штерер из «Воспоминаний о будущем» Сигизмунда Кржижановского (1929) и Пекеш из «Замков гнева» Алессандро Барикко (1991) (чтобы назвать лишь немногих). Сегодня, когда мы, по чуткому слову поэта, *...в лабиринте ежедневий // Отупеваем с каждым днём* [Елагин, 1947, с. 9], важно хранить память о такого рода героях, одновременно пытаясь понять то важное и Главное, что дало им силу жить, возвышаться и творить в совсем не оптимистическую эпоху.

В Италии стало уже общим местом сопоставлять образы и идеи Вольпони и Данте; привычным является также включение писателя в литературный контекст европейского и американского модернизма и постмодернизма (см., к примеру [Mobili, 2008]). Однако возможны и другие точки зрения на творчество классика. В самом деле, зададимся вопросом (на первый взгляд, неожиданным): говорится ли в рассказе что-нибудь о Боге?

Услышав такую постановку вопроса, неискушенный критик разведет руками. Ведь на поверхности рассказа ничего «теологического» не лежит, и само вопрошание может показаться абсурдным. Вместе с тем, как показал Л. Долежел на примере анализа структуры «Робинзона Крузо» Дефо, Бог так или иначе присутствует в структуре нарративного универсума. Так, заболев, Робинзон (который до этого ощущал себя одиноким) начинает веровать в Бога: «Мир человеческий становится миром Божиим» [Doležel, 1998, p. 41]. У Вольпони этого не происходит, вопрос о религиозной принадлежности героя на поверхности остается открытым, однако скрытые (и не очень) связи с Библией и философской традицией всё же удастся установить. Библия (преимущественно Новый Завет) и для Вольпони играет роль явно или не очень подразумеваемого Метатекста универсума – и культуры как творческого отражения и преображения этого универсума, мысли о нем (слово «мысль» играет важную роль в рассказе, хотя и встречается в нем один раз). Предпринимая поиск неявных (или, точнее, не до конца выявленных) евангельских подтекстов и аллюзий в рассказе, мы опираемся на многолетнюю традицию такого рода исследований (см. в качестве одного из примеров: [Новикова, 2001, с. 230-238]).

¹ В Италии изучением Вольпони занимаются, прежде всего, проф. Э. Дзинато и его студенты. См. название одной из дипломных работ в 2011/2012 уч. году: «Аллегорический реализм Вольпони между наукой и научной фантастикой» (T. De Beni) (<http://didattica.unipd.it/offerta/docente/69F63E17E79D2296478AA85D8FB5BBA0>) (дата обращения – 18.07.17).

Итак, прежде всего, в рассказе Вольпони противопоставляются мир людей (представленный в первую очередь героем и его женой) – и *мир вещей* (из которого естественным для героя-изобретателя образом выделяются *машины*). На простейшем уровне рассказу можно было бы придать подзаголовок: «Аннибале Рама, или О любви человека к машине»; возможно, во времена Фурье и Сен-Симона так бы и сделали литературные критики – и сам автор. Если же взглянуть глубже, то уже на этом уровне – показа отношения героя к вещам – удастся обнаружить весьма значимые для автора и его героя (в его alter ego'ности по отношению к автору не приходится сомневаться) мотивы.

Так, начало «Аннибале Рама» с его мотивом «надежного существования вещей» и их обличья [Volponi, 2017, p. 3] противоположно началу «Скуки» Моравиа (1960) – с раскрытой в прологе идеей отрешенности героя от вещей, неспособности дать им увлечь себя в какое-либо общее дело. Напомним лишь пару фраз из часто цитируемого пролога к роману: «Скука для меня – это ощущение неполноты, недостаточности окружающей меня реальности, ее скудости, ее несоответствия собственным возможностям... Скука настаивает меня в те мгновения, когда я ощущаю абсурдность окружающего меня мира, то есть тогда, когда он становится... каким-то неполноценным, не способным убедить меня в реальности своего существования» [Моравиа, 2010, с. 7-8].

Напротив, Аннибале «...знал, что... не совершает побега от окружающей его реальности...» [Volponi, 2017, p. 3]. Во всех окружающих его вещах герой находит отражение своей уверенности в успехе изобретения [ibid., p. 4]. Самой своей материальной статью и весомостью вещи подтверждают его убеждения и его уверенность [ibid.]. Итак, с самого начала нам дается понять, что герой *укоренен в реальности* и потому *счастлив* в своем вольном и радостномприятии жизни. «Счастье – постоянная стихия его жизни и всех его отношений...» [ibid.], в том числе с социальными фактами; счастье – это и «внимание к вещам», и «возможность вмешательства» [ibid.]. И даже машины на его рабочем месте – «кроткие (послушные, mansuete), но в то же время таинственные (misteriose)...» [ibid.].

Как же дает о себе знать эта таинственность? Описывая фабрику, на которой работает герой в начале действия, автор обращает внимание на «белые углы таинственных (misteriose) машин, из которых изливается *устойчивый свет, распространяющийся, словно некая мысль* (come un pensiero) (здесь и далее курсив в цитатах наш. – Д.М.)» [ibid., p. 7]. Представление об идеях как о свете, чем-то светящемся, сияющем, а о Благе – как об умном Солнце восходит к Платону (Resp. VI, 507d-509b; etc.), Плотину² и платоникам. Раскрытие этой идеи стало общим местом платоноведения (напомним лишь о «Верховном постижении Платона» В. Ф. Эрн, 1917; и, конечно, об «Учении Платона об истине» Хайдеггера). Встречается оно и в Библии, где Бог назван Солнцем правды (Мал. 4, 2), и в трудах Отцов Церкви, не говоря уже о множестве других религиозно-философских и эстетических традиций вплоть до символизма, неофольклоризма и др.

В отличие от Аннибале, герой повести Сигизмунда Кржижановского «Воспоминания о будущем» Макс Штерер³ – инженер, сконструировавший машину времени – ощущает не только себя, но и современных ему людей слабо укорененными в бытии. В этой одинокости для него заключен один из основных побудительных мотивов к изобретательской деятельности. Но если Штерер с помощью

² Ср., к примеру, фрагмент из антропологического трактата VI, 7: «...так что здешние чувства – это неотчетливые помышления (ἀμυδράς νοήσεις), а тамошние помышления – отчетливые (ясные, ἐναργεῖς) чувства» (Plot. Enn. VI.7.7) [Plotini, 1982, 192.30-31]. Ясными они являются благодаря свету Первопринципов – Единого, Ума и (в меньшей степени) Мировой души. Ибо Ум заливает то место, где он находится, «мысленным свечением (φέγγει νοερά)» (Ibid. VI.7.15) [ibid., 204.29-30]. Христианский вывод отсюда делает, к примеру, св. Григорий Нисский: «...в случае отображения в зеркале образ принимает форму (σχηματίζεται) в зависимости от первообраза. Опять же, размышляя об очертаниях (τοῦ... χαρακτήρος) души, мы аналогичным образом представили положение дел, ибо душа принимает облик сообразно с (κατὰ) Божественной красотой. Стало быть, именно тогда, когда душа взирает на собственный Первообраз, она с точностью познаёт и саму себя» [S. Gregorius Nyssenus, 1967, 41.14-19]; отмечено, например, в: [Escribano-Alberca, 1976, 54, Anm. 49]. О влиянии Плотина на св. Григория см. в указанной статье и в других статьях данного сборника, а также в материалах новейших симпозиумов по Григорию Нисскому.

³ Имя намекает на Штирнера и Штейнера (а возможно, и на Шелера) [Перельмутер, 2001, с. 665].

Д.И. Макаров *О христианских подтекстах в рассказе
Паоло Вольпони «Аннибале Рама»*

своего изобретательства пытается преодолеть драматический разрыв с реальностью, то современные ему люди (повесть писалась в 1929 г., в год «великого перелома»), на его взгляд – «люди без теперь», потерянные, поглощенные оторопью жизни (см. цитату ниже). Сразу отметим, что в более трагичном и даже надрывном отходе от реальности заключается заметное отличие героя Кржижановского от героя Вольпони (вообще же спектр отношений к реальности у персонажей обоих мастеров поразительно многообразен и далеко еще до конца не классифицирован, особенно в свете новейших логических теорий).

Герой Кржижановского многомерен и амбивалентен. С одной стороны, он ощущает и понимает, «что в ином настоящем больше будущего, чем в самом будущем» [Кржижановский, 2001, с. 418]; с другой же, по его словам, «возможно, встречи с реальным временем и не произошло... и... я, извините меня, среди призраков, порожденных призрачными длительностями... мы можем предположить, что машина не успела достигнуть реальности, она расшиблась о выставившуюся вперед тень t-времени (то есть, говоря кратко, некоего умопостигаемого времени. – Д. М.) и... наблюдения над окружающими теперь меня людьми дают ощущение, что это люди без *т е п е р ь*, с настоящим, оставшимся где-то позади их, ...с жизнями смутными, как оттиск из-под десятого листа копирки» [там же, с. 419-420].

Само течение времени понимается здесь отчасти в гуссерлианском духе, с признанием многомерности и разнонаправленности временных потоков (не случайно на полке у Стынского, друга последних лет жизни Штерера, стоял томик Гуссерля [там же, с. 402]), тогда как у Вольпони стрела времени необратимо и объективным образом течет вперед из прошлого через настоящее к будущему.

Но и в целом та пессимистичная характеристика, которую Кржижановский дает своим современникам – москвичам конца 20-х гг., неприменима к герою Вольпони. Ведь Аннибале показан как личность достаточно монолитная, с определенной целью и волей к власти – к вполне по-ницшеански чувствуемой и лелеемой власти над миром. Если он и был в какой-то момент времени «человеком без теперь», то лишь в течение месяца после разговора с боссом – до своего добровольного увольнения с фабрики [Volponi, 2017, p. 6]. Затем линия его бытия выпрямляется и – за исключением одного инцидента, о котором речь впереди – идет своим чередом. Штерер же полагает (не говоря уже об отсутствии с его стороны помышлений о власти над миром), что: «Лучше разбиться о будущее, выбросившись в *безвестные* века, чем сдать свой замысел, ...перечеркнуть идею лётном случайной пули, вечность – датой сегодняшнего дня» [Кржижановский, 2001, с. 367]. Его этика – анонимно-жертвенная: отказ от себя ради эксперимента и прогресса в науке и человечестве. Вспомним конец повести, связанный с исчезновением героя и маркированный цитатой из Жуковского: «Уведи меня в стан погибающих» [там же, с. 430]. Наука тут – всё-таки – понимается как средство достижения всеобщего блага, хотя бы и ценой жизни экспериментатора; у Аннибале Рама цель – земное благоденствие своего «я» и власть над миром. У Кржижановского также узнаются следы рассуждений Ницше о «последнем человеке» (вспомним и «Полую землю» Элиота, 1925), не говоря уже о тематике «потерянного поколения»; но идею воли к власти и утопию технократизма, ведущую к реализации этой идеи, мы у него не встретим.

Интересно отметить, что тема взаимоотношения человека и вещей в современной поэзии и прозе трактуется различными способами. Так, у раннего Рильке вещи пленяют поэта: *И все вещи стоят, словно монастыри, // в которых я был пленён (удерживаем) (...und alle Dinge stehn wie Klöster, // in denen ich gefangen war)* (“Ich bin derselbe noch, der kniete...”, стихотворение из 2-й книги «Das Buch von der Pilgerschaft», 1901) [Rilke, 2006, s. 239]. Вещи могут уходить в пустоту, оборачиваясь неким мерцающе-становящимся небытием, как в ряде вещей того же Сигизмунда Кржижановского («Швы», «Пурвапакшин» и др.)⁴, могут отчуждаться от человека (как в «Скуке» Моравиа), восставать против него (тема восстания роботов у А. Азимова и в научной фантастике в целом). А могут и –

⁴ См. об этом пронизательную работу В. Н. Топорова: [Топоров, 2013, с. 354-497].

как в случае с рассказом Вольпони – адекватно взаимодействовать с человеком, подчиняющим эти вещи своим осознанным целям.

Но вот что, быть может, более важно: наряду с пристальным вниманием к теме взаимоотношений человека и машины, каковая являет собой фрагмент более общей темы взаимодействия человека и вещей, оба писателя, в силу понятных причин не знавших друг о друге, относятся с сочувствием к своим героям. Это видно в самом построении повествования Вольпони: не найдя понимания у босса и пообещав через месяц уволиться с предприятия [Volponi, 2017, p. 6], Аннибале построил машину, с которой у него было «*совершенное взаимопонимание*» [ibid., 7]. Это взаимопонимание возбуждает даже ревность у жены [ibid., p. 9]. Итак, вопреки технофобии Бердяева и Хайдеггера и в очевидном соответствии с духом постфордизма⁵, Вольпони развивает, так сказать, антропологию взаимодействия человека с машиной. Своим оптимизмом по поводу обширных возможностей подобного взаимодействия, а также сциентистским духом 60-х гг. рассказ напоминает и другие произведения научной фантастики тех лет, например, рассказы и повести С. Лема или «Понедельник начинается в субботу» А.Н. и Б.Н. Стругацких (1964), вполне укладываюсь в общеевропейскую традицию литературной фантастики, начиная с Жюль Верна.

Машина естественным образом встроилась в жизнь семьи Рама, «словно четвертый элемент» [ibid., p. 7]. Всю ночь, придя на фабрику, Аннибале монтирует свою машину, и она работает совершенно [ibid.]. Созданный конструктором суперкалькулятор предсказывает результаты футбольных матчей, так что он – опять же – войдя в некий симбиоз с *машиной*, вынужден прятаться от *людей*. Ходя обналичивать деньги в кассу, Рама всякий раз переодевается, «чтобы никто не узнал, что он и есть единственный победитель» [ibid., p. 8]. С этой машиной он хочет стать наиболее могущественным человеком на земле [ibid.]. Так на страницы рассказа мало-помалу проникает *антиутопия мирового господства* и Вавилонской башни. А у читателя закономерно возникает вопрос: может ли такой сюжет – такой *тип* сюжета – не завершиться трагически (ср.: Пс. 138, 7-10; 22, 4; 23, 1-6)? (Вспомним хотя бы «Человека-невидимку» Уэллса).

Но продолжим следить за перипетиями сюжета. Итак, построенный вначале калькулятор был опытным образцом; получив его, Аннибале начинает строить свою супермашину [ibid., p. 9]. В дальнейшем грани основополагающей оппозиции «люди – машины» *размываются* до взаимоперехода. Появляется – намеченный контурным штрихом – образ жены. Жена помогает нашему герою в строительстве; «по сути, и она – всего лишь *машинка* (*una piccola macchina*), работающая на Аннибале...» [ibid.]. С единственным характерологическим отличием: «...с особым – своего рода – кокетством, которое он не в состоянии контролировать и предвидеть и которое составляет *постоянную новизну их любви*, а заодно и стимул для его изысканий» [ibid.]. Упоминание темы любви в машинно-производственном контексте, естественно, звучит иронично, если не бурлескно.

В ироничном ключе затрагивается и еще одна столь же древняя тема – *связи микро- и макрокосма*: «...то, как она строит глазки, губки, какое выражение придает носу, ямочкам на щеках, разного рода восклицаниям (*gli strilletti*) и словечкам – вот то, что вкупе с 5 миллиардами световых лет расстояния до самой дальней из известных звезд вызывает в Аннибале *чувство глубины вселенной*» [ibid.]. Бросаются в глаза указания автора на *знаковый, выразительный характер* этой связи.

Но вот машина, наконец, построена [ibid.]. Тогда Аннибале с семьей – женой и сыном – полдня развлекаются: начинают считать, сколько капель дождя упало на их крышу за год или сколько раз в год каждый из них смеялся [ibid.]. То есть делают то, что, согласно новозаветной традиции, восходящей к преданию учительных книг Ветхого Завета, является *прерогативой Бога*, а человеку знать не дано (ср.: Иов 41, 2; Прем. 9, 13; Ис. 40, 13; Ам. 3, 7; Сир. 3, 21; Рим. 11, 34; 1 Кор. 2, 16). По свидетельству св. Анастасия Синаита (*Вопросоответы*, 28; ок. 700 г.), знать таинства Божии и Его

⁵ Ср. замечание Э. Дзинато по поводу другого рассказа Вольпони: [Zinato, 2017, XV]. Философский анализ сущности постфордизма см.: [Вирно, 2013].

Д.И. Макаров *О христианских подтекстах в рассказе
Паоло Вольпони «Аннибале Рама»*

суды может лишь тот, кто обладает силой от Бога, будучи просвещенным от Него в Св. Духе [Anastasius Sinaita, 2011, p. 112]. Те, кто были восхищены в состояние благодати, почивают среди непостижимых таинств Божиих (вспомним эпитет «таинственный» у Вольпони) [ibid., p. 113]. По св. Анастасию, порядок познания зависит от порядка благодати: нет познания без благодати. Герой Вольпони всем своим *modus vivendi* пытается опровергнуть данную парадигму, однако, ближе к концу рассказа, скорее, подтверждает ее – от противоположного.

Поразвлекавшись вдоволь с семьей, Аннибале начинает выполнять крупные операции [Volponi, 2017, p. 9-10]. И вновь речь идет о *сфере контингентного*: лото, футбольный тотализатор, рулетка, скачки, собачьи бега... в Европе (вне Италии) и Америке [ibid., p. 10]. Чтобы сделать тот или иной прогноз, он закладывает в машину бесконечное количество разнообразных данных [ibid.]. То есть герой в принципе хочет сделать то, к чему стремился Лаплас – описать мир с помощью стройной и взаимосвязанной системы уравнений. И пока у него всё получается: машина выдает «всегда точные» результаты [ibid.]. «Он начинает побеждать всюду без исключения» [ibid.]. Получает деньги, покупает грузовичок, чтобы перевозить выручку [ibid.].

Живущий по соседству вор принимает его за фальшивомонетчика; когда Аннибале застигает вора врасплох, тот советует гнаться за количеством, а не за качеством. Мыслимо ли хранить в гараже такую гору денег? [ibid., p. 10-11]. «Неужели Вы думаете, что Вам удастся всю её сбыть?» – резонно спрашивает вор у Аннибале [ibid., p. 11]. Вспомним Мф. 6, 19: «Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут». Очевидным образом на наших глазах происходит *инверсия* образа вора, непосредственно связанная с узнаваемым евангельским подтекстом.

И всё-таки – почему вор? Неужели автор не мог выбрать для повествования представителя иной, более благородной профессии? Причина, думается, ясна: в образе вора можно увидеть отдаленное сходство с евангельским благочестивым разбойником (Лк. 23, 41-43), тем более, что автор называет его *sensato* (благоразумный) [ibid.]. Перед нами, думается, – одна из тех евангельских и философских аллюзий, которые рассыпаны в ключевых местах текста, определяя тот или иной поворот (перипетию) повествования (как это было с упоминанием мысли в начале или с подсчетом капель дождя немногим ранее).

Столкнувшись с вопрошающим, Рама объясняет вору свои планы на будущее. Когда он, Аннибале, накопит необходимую сумму денег (разумеется, нет смысла тратить их на удовольствия), «он построит огромный завод *по производству крупнейших в мире электронных калькуляторов*. Крупнейших, но также и самых маленьких – домашних, которые помогают семьям, да и каждому человеку решить собственные проблемы со счетом, прогнозированием и программированием» [ibid.]. Формулируя таким образом свою задачу по (говоря языком политики) улучшению жизни людей, герой, между прочим, обнаруживает общие обертоны с тем, как трактуется фигура Макса Штерера в повести Кржижановского. Штерер также хотел способствовать восстановлению распавшейся связи времен; понятно, что ему не удалось выполнить это задание.

Итак, Аннибале начинает изучать новые программы, которые можно было бы загрузить в машину, чтобы узнать, где именно в Италии можно построить такую фабрику [ibid.]. Он загружает в программу массу данных о стране, после чего вводит программу в машину. Наконец, ЭВМ указывает долину между родным для писателя Урбино, Урбанией и Ферминьяно [ibid., p. 11-12]. Машина описала свойства каждого из 347 безработных в данной области в возрасте от 18 до 28 лет, кто может заинтересоваться проектом [ibid., p. 12]. Аннибале, его жена и вор-компаньон с ними встретились, при этом изобретатель дал каждому сумму денег и договорился, что они снова встретятся через год и начнут строить фабрику. Машина уверила его, что придут 222 работника, но пришло только 22 – остальные попрали договор, а деньгами распорядились по своему усмотрению; так, у кого-то проявились алчность, «нехватка духа предприимчивости» [ibid., p. 13] и т.п.

И вот тут-то настал черед Аннибале приходить в ужас. И он впервые поразился. Поразился не только людской неблагодарности, «но и потому, что его машина, на которую он поставил всё и в

которую верит без тени сомнения (*con tutta la fiducia*), и прежде всего – в моральном смысле, дала неточный результат» [ibid.].

Ну конечно, воскликнет читатель. Неисповедимы не только пути Господни (Рим. 11, 33), но непредсказуема и свобода людей, которая в принципе не поддается предвидению и просчитыванию. В художественном мире рассказа это утверждение и справедливо, и не вполне точно; такое объяснение является допустимым, но не достаточным.

Вернувшись к прототипу своей машины, располагавшемуся в гараже и саду рядом с домом, Аннибале замечает, что по одной из самых тонких нитей машины, выходящей в сад, шеренгой идут... муравьи [ibid.]. Он разрывает нить, сдувает муравьев... [ibid., p. 14]. И при новом расчете числа работников, которые должны были прийти на строительство фабрики через год, получает результат: 22. «Прежний результат – 222 – был получен потому, что нить под давлением шеренги муравьев слегка сдвинулась со своего места» [ibid.]. Тогда он бежит навстречу к этим 22, чтобы вместе с ними строить новое предприятие [ibid.]. На этой оптимистической ноте рассказ заканчивается.

О близости Вольпони научно-технократической парадигме постфордизма мы уже упоминали в начале статьи. При оценке же философско-религиозной составляющей сюжета надлежит, конечно, вспомнить, что 22 – число букв еврейского алфавита и тем самым подчеркнута мистическое число (опять же, при обращении к теме чисел возможные каббалистические подтексты исключать а priori не приходится).

Вспомнив о «принципе домино», попытаемся взглянуть на проблему под избранным в данном эссе углом зрения. Бросается в глаза, что, если у Вольпони ошибка машины зависит от вмешательства муравьев (намеренное – не без иронии – подчеркивание сугубо внешней и мало значащей причины)⁶, то, согласно св. Анастасию Синаиту, наш рост и старение, а также жизнь и смерть наших тел зависят от 4 элементов (земли, воды, воздуха и огня). Так повелел Господь, делегировав элементам соответствующую власть [Anastasius Sinaita, 2011, p. 120-123]. Смерть тел зависит от их движения, возрастания и убывания; в душу же нам Бог вложил свободу выбора [ibid., p. 123]. В конечном счете, все 6 выделяемых св. Анастасием причин происходящих в мире событий (Бог, материя, свобода воли, природа в целом, навык ремесленника, сила и способности прочих людей) восходят к Богу [ibid., p. 124]. Лишь Он действует абсолютно свободно [ibid., p. 125]. Материя же ничего не совершает вопреки воле Божией [ibid., p. 127]. Теперь задумаемся: если даже оставить в стороне вмешательство муравьев, мыслимо ли всё это познать – сложить панораму универсума – с помощью одной машины? Автор по видимости, оставляет вопрос открытым, но, думается, дает намеки на отрицательный ответ...

Так или иначе, в художественной картине мира рассказа Вольпони немаловажное место отводится случайности. В этой связи возникает закономерный вопрос: что такое случайность в перспективе мышления и мировидения Вольпони – и христианской традиции (в качестве представителя которой можно взять того же Анастасия Синаита)?

Случайность, по Синаиту – управление миром без Провидения. Христианину недозволительно так думать и говорить, иначе он отпадет от христианского образа мыслей и впадет в эллинский (*Вопросоответы*, 85) [ibid., p. 211]. С другой стороны, следуя 90-му Вопросоответу, следует признать, что в художественном мире рассказа Вольпони итоговый суд над героем – состоящий, как мы помним, в том, что лишь 22 человека согласились работать с Аннибале – был от Бога. Почему? Дело в том, что Аннибале был весел и оптимистичен в душе. А суд, бывающий человеку от Бога, «никогда не искореняет из души благовую надежду...» [ibid., p. 216].

Подобным образом, исходя из гипотезы об отображении в художественном произведении множественности миров, одним из которых всегда является мир *трансцендентного* (Бога, идей,

⁶ Кстати, если для писателя-постмодерниста вмешательство муравьев в дела человеческие выступает как символ случайности, то для византийских Отцов Церкви, напротив, насекомые и даже членистоногие (пауки) являют собой пример закономерности и гармоничности Божественного Промышления о сущем. О пауке см. статью автора: [Макаров, 2015, с. 79-85].

Д.И. Макаров *О христианских подтекстах в рассказе
Паоло Вольпони «Аннибале Рама»*

ангелов (вспомним Поплавского!), душ усопших), и представляется возможным подвергнуть анализу текст того или иного произведения на предмет отображения в нем контингентного. А ведь именно такие стороны описания реальности, как *деонтическое* (сфера должного) и *номотетическое* (сфера необходимого), относятся к числу труднейших проблем в науке (вспомним категорию модальности у Канта), и на взгляд современной философии⁷.

Наконец, пришла пора вспомнить, что в самом начале рассказа Вольпони дает читателю довольно прозрачный намек относительно философско-богословских воззрений Аннибале Рама. Действительно, говоря с директором фабрики, герой в ренессансном духе противопоставляет свою *автономную* мощь изобретателя чертам *образа Божия* в человеке (наличие которых он при этом не отрицает). Рама и не раскрывает эти черты, но, судя даже по его характерному молчанию относительно их природы, вряд ли ему пришлось бы по душе учение св. Григория Нисского о духовной составляющей человека как совокупном отображении совершенств Божиих⁸. Аннибале говорит: «Человек – Божий (*è divino*) и, к сожалению, не может обзавестись третьим глазом, но эту машину построим мы сами; стало быть, мы сможем придать ей третий глаз: напротив, не делая этого, мы предадим наш труд и цель наших изысканий, которая та же, что и у промышленности» [Volponi, 2017, p. 6]. Итак, и изыскания, и промышленность, на взгляд героя, стремятся «заглянуть в замочную скважину» творения, пойти по пути без благодати. (Ясно, что «третий глаз» – понятие из словаря оккультистов.) В этом смысле Аннибале Рама – наследник ренессансных мастеров. И вместе с тем, в способе трактовки автором его судьбы и перипетий жизненного пути и пространства возможно выделить не только (и не столько) платонические, но и библейско-христианские мотивы.

ИСТОЧНИКИ

1. *Елагин Иван*. По дороге оттуда. Стихи. – Мюнхен: Издание автора, 1947.
2. *Кржижановский Сигизмунд*. Воспоминания о будущем // Его же. Собрание сочинений / Сост. и комм. В. Г. Перельмутера. – Санкт-Петербург: Симпозиум, 2001. Т. 2. – С.335-430.
3. *Моравиа Альберто*. Скука / Пер. с ит. С. К. Бушуевой. – Москва: АСТ, 2010.
4. *Anastasio Sinaitae*. Quaestiones et responsiones / Ed. M. Richard (†) et J. A. Munitiz. – Turnhout: Brepols, 2011. (Corpus Christianorum. Series graeca, 59; Corpus Christianorum in Translation, 7).
5. *S. Gregorii Nysseni*. De mortuis oratio // Gregorii Nysseni. Opera. Vol. IX. Sermones. Pars prima / Ed. G. Heil, A. van Heck, E. Gebhardt, A. Spira. – Leiden: Brill, 1967. – P.28-68.
6. *S. Gregorii Nysseni*. Oratio catechetica // Gregorii Nysseni. Opera. Vol. III/4. Opera dogmatica minora / Ed. E. Mühlenberg. – Leiden–New York–Köln: Brill, 1996. – P.5-106.
7. *Plotini*. Opera / Ed. P. Henry et H.-R. Schwyzer. T. III. Enneas VI. – Oxonii: Clarendon Press, 1982.
8. *Rilke R. M.* Die Gedichte. – Frankfurt am Main–Leipzig: Insel Verlag, 2006.
9. *Volponi Paolo*. I racconti / A cura di E. Zinato. – Torino: Einaudi, 2017. (Lecture Einaudi, 71). – P.3-14.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вурно Паоло*. Грамматика множества. К анализу форм современной жизни / Пер. с ит. *А.Г. Петровой*. – Москва: Ad marginem, 2013.
2. *Лебедев С.А.* Структура научной рациональности // Вопросы философии. 2017. № 5. – С. 66-79.

⁷ «Самая трудная проблема в науке – это проблема доказательств истинности номотетических высказываний (высказываний о необходимости) и деонтических высказываний (высказываний о должном) и формулировка критериев истинности для них. Другой столь же трудной методологической проблемой является *проблема истинности высказываний о возможном* (курсив наш. – Д. М.)» [Лебедев, 2017, с. 76].

⁸ «...надлежало и человеку, созданному ради вкушения Божественных благ, обладать по природе чем-то, что было бы сродни Причастиемому. Поэтому он и был украшен и жизнью, и словом (*λόγος*), и премудростью, и всеми благами, подобающими Богу – чтобы, пользуясь каждым из них, стремиться к тому, что родственно ему» [S. Gregorius Nyssenus, 1996, 17.21-25].

D.I. Makarov *Christian subtexts in
Annibale Rama by P. Volponi*

3. Макаров Д.И. Из наблюдений над образом паука в 23-м «Гимне Божественной Любви» прп. Симеона Нового Богослова // Вестник Екатеринбургской духовной семинарии. Екатеринбург: Издательство Екатеринбургской митрополии РПЦ, 2015. Вып. 4 (12). – С.79-85.
4. Новикова Е.Г. Евангельские тексты и проблема преступления и наказания в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // Роман Ф. М. Достоевского «Идиот»: Современное состояние изучения. Сборник работ отечественных и зарубежных ученых под редакцией Т. А. Касаткиной. – Москва: Наследие, 2001. – С.230-238.
5. Перельмутер В.Г. Комментарии (к «Воспоминаниям о будущем») // *Кржижановский Сигизмунд*. Воспоминания о будущем // Его же. Собрание сочинений / Сост. и комм. В.Г. Перельмутера. – Санкт-Петербург: Симпозиум, 2001. Т. 2. – С.664-673.
6. Топоров В.Н. «Минус» –пространство Сигизмунда Кржижановского // *Кржижановский Сигизмунд*. Собрание сочинений. Т. 6. – Москва; Санкт-Петербург: Симпозиум, 2013. – С.354-497.
7. Doležel L. *Heterocosmica. Fiction and Possible Worlds*. – Baltimore–London: The Johns Hopkins University Press, 1998.
8. *Escribano-Alberca I. Die spätantike Entdeckung des inneren Menschen und deren Integration durch Gregor* // *Gregor von Nyssa und die Philosophie* / Hrsg. H. Dörrie, M. Altenburger, U. Schramm. – Leiden: Brill, 1976. – S.43-57.
9. *Mobili G. Irritable Bodies and Postmodern Subjects in Pynchon, Puig, Volponi*. – New York. etc.: Peter Lang, 2008. (Studies on themes and motifs in literature, 92).
10. *Zinato E. Prefazione* // *Volponi Paolo. I racconti* / A cura di E. Zinato. – Torino: Einaudi, 2017. (Lecture Einaudi, 71). – P.V-XVIII.

SOURCES

1. Anastasius Sinaita. *Quaestiones et responsiones* / Ed. M. Richard (†) et J. A. Munitiz. Brepols, Turnhout, 2011. (Corpus Christianorum. Series graeca, 59; Corpus Christianorum in Translation, 7).
2. Elagin I. *Po doroge ottuda. Stihy* [On the way from there. Poems]. Edition by the author, Munich, 1947.
3. S. Gregorius Nyssenus. *De mortuis oratio*. In: *Gregorii Nysseni Opera*. Vol. IX. Sermones. Pars prima. Ed. G. Heil, A. van Heck, E. Gebhardt, A. Spira. Brill, Leiden, 1967, pp. 28-68.
4. S. Gregorius Nyssenus. *Oratio catechetica*. In: *Gregorii Nysseni Opera*. Vol. III/4. Opera dogmatica minora. Ed. E. Mühlberg. Brill, Leiden–New York–Köln, 1996, pp. 5-106.
5. Krzhizhanovskij Sigizmund. *Vospominanija o budushhem* [Recollections of the future]. In: Krzhizhanovskij Sigizmund. *Collected Works. In 6 volumes*. Vol. 2. Belles-Lettres, Symposium, St Petersburg, pp. 335-430.
6. Moravia A. *Skuka* [La Noia]. Moscow, AST, 2010.
7. Plotinus *Opera*. Ed. P. Henry et H.-R. Schwyzer. T. III. Enneas VI. Clarendon Press, Oxonii, 1982.
8. Rilke R.M. *Die Gedichte*. Insel Verlag, Frankfurt am Main–Leipzig, 2006.
9. Volponi P. *I racconti*. A cura di E. Zinato. Einaudi, Torino, 2017, pp. 3-14. (Lecture Einaudi, 71).

REFERENCES

1. Doležel L. *Heterocosmica. Fiction and Possible Worlds*. The Johns Hopkins University Press, Baltimore–London, 1998.
2. *Escribano-Alberca I. Die spätantike Entdeckung des inneren Menschen und deren Integration durch Gregor*. In: *Gregor von Nyssa und die Philosophie*. Hrsg. H. Dörrie, M. Altenburger, U. Schramm. Brill, Leiden, 1976, pp. 43-57.
3. Lebedev S.A. *Struktura naučnoj racional'nosti* [The Structure of Scientific Rationality]. In: *Voprosy Filosofii*. 2017, No 5, pp. 66-79.
4. Makarov D.I. *Iz nabljudenij nad obrazom pauka v 23-m «Gimne Bozhestvennoj Ljubvi» prp. Simeona Novogo Bogoslova* [Some Observations concerning the Image of Spider in the 23rd Hymn of the Divine Love by St. Symeon the New Theologian]. In: *Bulletin of the Ekaterinburg Orthodox Theological Seminary*. 2017, No 4 (12), pp. 79-85.
5. *Mobili G. Irritable Bodies and Postmodern Subjects in Pynchon, Puig, Volponi*. Peter Lang, New York etc., 2008. (Studies on themes and motifs in literature, 92).
6. Novikova E.G. *Evangel'skie teksty i problema prestuplenija i nakazanija v romane F. M. Dostoevskogo "Idiot"* [The Gospel texts and the problem of crime and punishment in Fjodor Dostoyevskij's The Idiot]. In: *Roman F.M. Dostoevskogo "Idiot": Sovremennoe sostojanie izuchenija* [Fjodor Dostoyevskij's The Idiot. The Current State of Research]. Sbornik rabot otechestvennyh i zarubezhnyh uchenykh pod redakciej T. A. Kasatkinoj. Moscow, Nasledie, 2001, pp. 230-238.
7. *Perel'muter V.G. Kommentarii (k "Vospominanijam o budushhem")* [Commentaries (to the "Recollections of the future")]. In: Krzhizhanovskij Sigizmund. *Collected Works. In 6 volumes*. Vol. 2. St Petersburg, Belles-Lettres, Symposium, pp. 664-673.

Д.И. Макаров *О христианских подтекстах в рассказе
Паоло Вольпони «Аннибале Рама»*

8. Toporov V.N. "Minus" – prostranstvo Sigizmunda Krzhizhanovskogo [The "Minus" – Space of Sigizmund Krzhizhanovsky]. In: Krzhizhanovskij Sigizmund. *Collected Works. In 6 volumes. Vol. 6. Belles-Lettres. Correspondence*, Moscow – St Petersburg, Symposium, 2013, pp. 354-497.
9. Virno P. *Grammatika mnozhestva. K analizu form sovremennoj zhizni* [Grammatica della moltitudine. Per una analisi delle forme di vita contemporanee]. Moscow, Ad marginem, 2013.
10. Zinato E. *Prefazione*. In: Volponi Paolo. *I racconti*. A cura di E. Zinato. Einaudi, Torino, 2017, pp. V-XVIII. (Lecture Einaudi, 71).